

Вера КОЛЮЧКОВА

Работа
над ошибками

женские истории

Вера Александровна Колочкова

Работа над ошибками

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=590355

Работа над ошибками: роман: Центрполиграф; Москва; 2011

ISBN 978-5-227-02549-4, 978-5-227-04644-4

Аннотация

Приятно быть молодой писательницей! Можно исподтишка наблюдать за друзьями-знакомыми и примечать фразочки, а потом описывать истории о несостоявшемся семейном счастье в своих романах. Тем не менее Наташа Петрова, скрывающаяся под благородным псевдонимом Алина Никольская-Петерс, была очень удивлена, когда обнаружила, что сексапильная стерва разлучница сошла со страниц ее книги и вполне реально присутствует в жизни. Зеленоглазая красотка Анна теперь делит с Наташей рабочий кабинет, живет по соседству с сестрой мужа, да еще и гостит на даче по выходным. И Наташа теряет былую надменность, понимая, что не так уж далека от своих героинь и не имеет права играть чувствами и судьбами других.

Вера Александровна Колочкова

Работа над ошибками

Роман

На утреннюю пешую прогулку времени не оставалось. А жаль. Значит, и весь рабочий день пройдет, как поездка в общественном транспорте, – в мелких, но сильно раздражающих неудобствах. Примета верная и временем проверенная. Стоит ей только в этом клокотании человеческих эмоций, то есть в утреннем автобусе, проехаться, так день идет насмарку. Чужие эмоции, они цепкие, как репей, и никакого иммунитета от них нет. У других есть, а у нее – нет. Но ведь не объяснишь причину опоздания отсутствием иммунитета! Не поймут. Хотя если уж совсем обнаглеть, то можно и презреть объяснения как таковые и общественный транспорт заодно. Подумаешь, на работу опоздала!

Наташа грациозно поднесла к глазам крохотный циферблат золотых часов, еще раз чертыхнулась про себя, помянув циничным добавочным словом треклятую дисциплину труда. Хотя и не любила она эти противные добавочные слова, но ничего, «про себя» иногда можно. Лишняя перчинка здорового цинизма любому человеку не помешает. Тем

более если этот человек живет в дружбе с интеллектом и к собственной жизни относится как к творческому процессу, а не шагает по ней под барабанную дробь инструкций и правил. И в самом деле, если подумать хорошо и призвать на помощь элементарную логику – какая в ней заложена объективная необходимость, в этой дурацкой дисциплине труда? Кто ее вообще выдумал? Отец и вождь народов в трудные для страны времена? Ну, правильно, тогда это пугающее словосочетание имело какой-то воспитательный смысл, а теперь? Что изменится от того, если она придет на работу не в девять часов, а, положим, в десять? Или в половине одиннадцатого? Заводы и фабрики остановятся, реки вспять потекут, показатели валового внутреннего продукта в одночасье поменяются? Нет, ничего такого не произойдет. А она должна по милости этого атавизма утренней прогулкой жертвовать. Несправедливо, однако. Может, и впрямь, ну ее к лешему, эту дисциплину труда, и да здравствует разумная наглость, и да постучим каблучками да по бульварчику? Поимем личное законное удовольствие?

Унылое тупое рыло тринадцатого автобуса уже показалось из-за поворота, и Наташа, вздохнув, решила все-таки ехать. По крайней мере, тринадцатый ее практически до рабочего крылечка довезет. Вот если бы двадцать пятый подошел, то она бы точно в него не села, потому что тогда надо через длинный-длинный подземный переход идти, через пыльные нехорошие сквозняки, сквозь алчущие еды и алкоголя

взгляды наяривающих на скрипках и гитарах музыкальных умельцев. Она всегда большое неудобство испытывала, проходя мимо них, будто причастна была к их похмелью, голоду и всей незадавшейся жизни. Впрочем, о причастности как таковой в данный момент лучше не поминать. Потому что тринадцатый автобус уже подрулил к остановке, с лязгом ощерился гармошкой дверей, плеснул наружу ядом скопившегося в салоне молчаливого пассажирского раздражения. Так что «причастности» этой она сейчас нахлебается, получит вполне добротную порцию, еще и с добавкою. Нет, все-таки прав Саша, сто раз прав относительно второй машины в домашнем хозяйстве. И относительно водительских курсов – тоже прав. Не далее как вчера он снова разговор на эту тему завел.

Оно и понятно, отчего он его затеял. Неловко ему, конечно, что сам на работу с комфортом едет, а она вынуждена общественным транспортом добираться. Но эту неловкость он сам себе и создал, между прочим. С тех пор как получил должность начальника отдела в своей банке, решил отчего-то, что ему непременно надо на час раньше положенного времени на работу приезжать. Боже ты мой – зачем? Чтобы встречать с утра подчиненных с сильно деловым лицом и упреком в начальственном взоре? Вроде того – я тут уработаться уже успел, пока вы утренние кофеи распиваете? И к ней с ножом к горлу пристал, чтобы она срочно записалась в автошколу... Даже слышать не захотел, что ей эти

автомобильные права вообще без надобности. Еще и кокеткой обозвал, когда она попыталась напомнить ему про свою природную рассеянность, про склонность к созерцанию, про абсолютный и безоговорочный топографический кретинизм и про творческую составляющую личности. Ну не умеет она концентрировать внимание на всяких знаках, развязках и перестройках в другой ряд, неинтересно ей все это! А он твердит свое, усмехаясь: не кокетничай, и все тут. Нисколько, мол, ты от других не отличаешься. И все твои душевные вихри-полеты меж облаков и мысленные прыжки по кронам деревьев есть не что иное, как бессознательное кокетство, — вот она я какая, вся из себя творческая и порывистая, утонченная и непредсказуемая...

Подхваченная толпой, Наташа торопливо влетела в автобус, удачно протиснулась через бока и животы приготовившихся к выходу на следующей остановке пассажиров. Потом пристроилась в проходе меж теткой-тумбой с объемистой матерчатой кошелкой и студентом-ботаником довольно приличного вида. По крайней мере, не доносилось с его стороны жеребьячьих запахов мужицкой юности. Овсяной кашей от него пахло, крепким кофе и дорогим средством от прыщей. Видно, с присутствием заботливой мамки ботанику сильно в жизни повезло.

А вот с теткой дело в этом отношении обстояло похуже. Несло от тетки чесноком, да так сильно, что, казалось, в отголосках съеденного бедолагой с вечера вонючего продук-

та, успевшего добросовестно перегореть в организме, тут же утонули Наташины собственные спасительные запахи «Кензо». Моментально ворохнулась внутри и болезненно напряглась диафрагма, и горло сжалось в подозрительном спазме – еще не хватало воспроизвести и показать окружающему народу съеденный на завтрак бутерброд с сыром. Нет, только не это! Надо срочно переключать сознание, улетать из точки соприкосновения собственного тела с отвратительной духовитой материальностью. Благо что она умеет вот так улетать. Раз – и нету ее. Ушла в пространство, дверку за собой захлопнула, и скоро не ждите. И совершенно зря Саша над этой ее способностью посмеивается, иногда очень даже помогает.

Однако ухода не получилось, как она ни старалась. И на кроны деревьев сквозь пыльное автобусное стекло смотрела, и за облака цеплялась, и пыталась воспроизвести в себе ту самую пронзительную мелодию из французского кинофильма, под которую бедный Бельмондо идет навстречу своему смертному часу, – ничего не получалось. Обстановка была не та. Чесночная катастрофа в тесной духоте автобуса праздновала свою победу, хоть умри.

Слегка поерзав на месте, Наташа попыталась развернуться так, чтобы создать для собственного обоняния основной приоритет запахов, которые шли от ботаника, но чесночный перегар оказался настолько живучим, что, казалось, лишь усилился от ее нервных телодвижений. Да и тетка в ответ

дернулась так же недовольно, подтащив к животу свою сумку. Нет, улететь точно не удастся, слишком уж фактор топчется рядом приземленный и чесночной материальностью раздражающий. Что ж, придется использовать ситуацию в самом жестком ее варианте, в тайном, личном, эгоистическом...

Она давно уже пришла к выводу, что для пользы своего тайного-личного-эгоистического любая ситуация хороша. И не столько ситуация, сколько выраженная в ней эмоция. Все пойдет в дело. А иногда такие перлы для него, для тайного-личного-эгоистического, можно заполучить, что только диву даешься. Те самые перлы, которые, как ни старайся, ни за что сама не придумаешь. А тут ситуация сама по себе добровольно созрела, только пальчиком подтолкни...

Глубоко вздохнув и решившись, она снова заерзала на месте, на сей раз основательно. И даже локтем толкнула чесночную тетку в бок, будто бы случайно. Та глянула на нее сердито, но промолчала. Даже сделала попытку отодвинуться, то есть поелозила по животу своей сумкой и побряхтела слегка. Наташа еще двинула бедром, на этот раз посильнее, переступила с ноги на ногу, чувствуя, как острие шпильки аккуратно попало во что-то мягкое. Скорее всего, в теткин тапочки. Ага, сейчас начнется! Сейчас, сейчас...

– У-а-и-й! – резко всколыхнулась тетка, болезненно скривив лицо и показав бледные десны. – Совсем охренела, что ли? Ты чё тут дергаешь копытами, как телка стельная?

– Простите... Какая я телка? – холодно поинтересовалась Наташа. Холод в голосе особенно был хорош для таких ситуаций. Потому как подталкивал вперед другие перлы, которые, скорее всего, в очереди не задержатся. Вот они, родненькие, поехали! Ну, давай, давай, еще чего-нибудь выдай.

– Молчи, корова недоделанная! Стоит тут, фря, задницей вертит! – постепенно входила женщина в раж, багровея лицом и источая прежний истошный чесночный запах.

– Так все-таки – я корова или фря? Это, знаете ли, разные области аллегорий. Уточните, пожалуйста, прошу вас.

– Ишь, еще и огрызается! Коровы!

Повернув голову в сторону Наташи, тетка обрушила на нее гневный взгляд, но сомнение мелькнуло-таки на миг в ее глазах. Оно и понятно – никак объект для гнева на «корову» не тянул. Наташа была худа, как тростиночка, и стройна, как пугливая горная газель.

– Худая! – тут же добавила к своей «корове» тетка, и Наташа чуть не задохнулась от восторга.

Вот это перл! Вот это да! Коровы худая! А сам диалог чего стоит! «Дергаешь копытами» и «телка стельная» – такое ж вовек не придумаешь! Нет, надо все, все запомнить. Дословно. И потом воспроизвести. А ключевыми словами для воспроизведения будут – «коровы худая»...

– Сука в ботах! – пробурчала невнятно тетка, видимо решив, что «худой коровы» для Наташи маловато будет.

– Что вы! Я совсем не в ботах! – мило поморгав черными

длинными ресницами, доверительно сообщила ей Наташа. – Я в босоножках на высоком каблуке...

– Нет, в ботах! Сука! В ботах! Я сказала – сука, значит, сука! – распаляясь эмоциями, уже билась в истерике женщина. – Иди давай отсюда, раз ездить не умеешь! В такси со своими копытами ездят, поняла?

– Хорошо. Как скажете. Я пойду. Тем более мы в милом диалоге уже две остановки с вами проехали. Моя следующая. А только я все равно не в ботах, а в босоножках на высоком каблуке... – лучезарно улыбнулась женщине Наташа, чудом увернувшись от рыхлого с ямкой локтя, нацеленного в ее худой бок.

Струя пассажиров вынесла ее из автобуса, и несколько сердобольных взглядов обласкали ее сочувствием – как-никак, а нахамили бедной девушке. Худой коровой обозвали и сукой в ботах. Спасибо, конечно, граждане... Ой, а какая там телка была, уже и не вспомнить! Как же, как же, слово такое... колхозное. Надо сосредоточиться и вспомнить, а то уплывет. Стилочная, стилижная, степенная... Господи, как же... Стельная, вот как! Теперь не забыть бы. Надо срочно на работу бежать! Записывать!

Взмахнув сумочкой и красиво засеменя тонкими ножками на шпильках, Наташа пустилась бегом на зеленый сигнал светофора, проборматывая себе под нос: телка стельная, корова худая, сука в ботах. И снова: телка стельная, корова худая, сука в ботах...

А что было делать – пришлось повторять. Иначе вылетит из головы, потом и не воспроизведешь. Плоховато у нее было с запасом подобного рода хамских перлов. Откуда им было взяться-то? В их бабьем доме отродясь никакого мужчинки не водилось, ни хамского, ни интеллигентного. Тишина, чистый воздух, салфетки накрахмаленные. Бабушка маму одна растила, потом они с мамой вдвоем ее, Наташу, растили. Вернее, втроем. Все время она про старую няньку Таю забывает. Может, потому, что нянька Таечка им, в сущности, никто? Древняя старушка, прибившаяся молодой еще девушкой к дому, беженка с оккупированной территории, ставшая нянькой малолетней тогда еще бабушке, а впоследствии и маме, и ей, болезненной и «несадиковой» Наташе, и в конце концов оставленная после перенесенных двух инсультов в семье «на покое». Слепая, глухая, маленькая – сухонькое поленце, а не старушка. Правда, ослепла она совсем недавно. А когда Саша приходил в дом предложение делать, смотрела на него так же настороженно, как и мама с бабушкой. Как перепуганная овца на волка. Все-таки первый мужчина в доме с настоящим предложением руки и сердца.

– Легонький мужичок, уж больно легонький, Наташичка... – вынесла нянька Тая тогда свой приговор, с сомнением покачивая сухой головой с реденькими, прибранными пластмассовой коричневой гребенкой волосами.

– В каком это смысле – легонький? – подняла на нее На-

таша насмешливый, но слегка недовольный взгляд. По большому счету, няни-Таино мнение интересовало ее меньше всего, но все равно – задело как-то...

– Да в таком и есть смысле... Колодезь не выроет, избы не поставит. Видно, что легонький.

– Да зачем, зачем ему самому надо колодец рыть? И избы ставить тоже ему без надобности! Да и вообще – кто это сейчас колодцы роет и избы ставит? Не те времена, няня Тая!

– Во все времена мужик видными делами ценился, Наташичка. Чтобы все мог сам порешить. И воды найти, и бревно метнуть.

– Да ну тебя, нянь... Сейчас тот мужик больше ценится, который все это себе купить может. А мужицкое самонапряжение нынче не в чести. И вообще, еще неизвестно, что легче – бревно метнуть или денег на наемного метальщика заработать! А Саша – он как раз из тех, кому проще заработать!

– Ну... Так я и говорю – легонький... – снова вздохнула старуха, поджав губы сухой скорбной подковкой.

Наташа наострилась было еще с нянькой поспорить, но бабушка махнула в ее сторону досадливо: отстань, мол, от старухи. И лицо сделала такое недоумённое, что Наташа и впрямь своей горячности устыдилась. Действительно, нашла на кого сердиться! На Таечку!

Хотя и от самой бабушки тоже повеяло тогда некой боязливой неопределенностью относительно Сашиного предложения. И от мамы. Потом они, конечно, попривыкли, что у

внучки и дочери муж есть, но поначалу жили в тревожно-боевой готовности. Не вмешивались, нет. Хотя робкие штучки вроде тестов-испытаний устраивали, провоцируя зятя на демонстрацию сущности грубой мужицкой натуры. Но Саша, честь ему и хвала, все испытания выдержал с достоинством. Вернее, сам он тогда и не понял даже, что его «испытывают». Потому, может, и тест на «повезло ли Наташеньке с мужем» прошел походя и без особых стараний. Он вообще такой, чересчур в этом смысле рафинированный. Честный, влюбленный, интеллигентный. Хоть сковородкой по голове его бей, а хамских перлов не дождешься. Плоховато, плоховато у них в семье с перлами, приходится выкручиваться как-то, на стороне изыскивать...

Взбежав по лестнице на второй этаж, Наташа выглянула в коридор – никого, слава богу. Теперь бы еще мимо приемной пройти незамеченной. Придется на цыпочки привстать, попытаться обмануть чуткое ухо секретаря Аллы Валерьяновны. Если б окончательно повезло и та в Интернете сидела или любимому начальнику кофе варила, то, может, и удалось бы проскочить незамеченной...

– Наташа! Ну наконец-то! Ты почему не предупредила, что опоздаешь? Иван Андреич тебя уже три раза спрашивал!

Жаль. Не удалось-таки обмануть чуткое ухо. И зоркий глаз тоже. Оно и неудивительно – сорок лет секретарского стажа обострили у этой прониры все чувства до самой высокой степени, присущей разве что экстрасенсу. А про любо-

знательность так и вообще говорить нечего – сейчас обязательно спросит, не случилось ли у нее чего семейного.

– Ты, кстати, почему опоздала-то? Что-то в семье случилось, да? С мужем поссорилась?

Последнюю фразу Алла Валерьяновна произнесла с уважительным придыханием. Сама она замужем отродясь не бывала и потому искренне полагала, что муж для того только и нужен, чтобы по утрам с ним собачиться. А насобачившись вдоволь, можно и на работу опаздывать. Тогда эта причина будет в уважительных числиться.

– Ну почему сразу – поссорилась? Нет... Просто опоздала, и все.

– Ничего себе – просто! На полтора часа!

– Ой, да ладно, Ал Валерьянна. Что у нас тут, конвейер встанет?

– Да нет... Просто шеф сидит и психует, а я не знаю, что ему говорить.

– А пусть ваш дорогой шеф не психует! Что ему, больше психовать не из-за чего?

– Наташ, ты пройди, загляни к нему, вдруг и впрямь что-то срочное?

– Нет! Могу я хотя бы отдышаться и в порядок себя привести? Сейчас, дойду до кабинета, потом уж...

Последнюю фразу она бросила уже через плечо, доставая из сумки ключи от кабинета. Ворвавшись к себе, плюхнулась в кресло, и оно с мягкой и торопливой готовностью спружи-

нило ей навстречу, демонстрируя образчик дизайнерского, склонного к гедонизму офисного изыска. У них тут вообще все кругом было – лепота в этом смысле. Иван Андреич любит шику-блеску дать. Ну, да бог с ним... Теперь первым делом – записать добычу! Тетка ее называла... Корова стельная? Нет, черт возьми! Это телка – стельная! А корова – худая. А сука – в ботах! Что-то еще было, но это уже позже, мелочи сами в голову придут. Теперь – Иван Андреич, шпренхен зи дойч, и черт бы его побрал...

В порядок себя приводить, то есть стоять перед зеркалом, поправлять прическу и мазать губы помадой, она не стала. Еще чего. Для Ивана Андреича и так сойдет. Не такой уж у него начальницкий масштаб, чтобы лишний раз для него губы мазать. Раньше, говорят, он в более значительных начальниках сживал, и даже, говорят, чуть ли не высшего министерского разряда. Оттуда и секретаршу Аллу Валерьяновну за собой приволок, широту души и человеколюбие проявил. А куда ее денешь, простите? Кому она нужна, старая секретарша? (Такое словосочетание для нынешних мало-мальских начальников уже само по себе звучит абсурдом – старая секретарша!) А еще говорят, что их незначительную контору специально под Ивана Андреича выдумали, чтоб на пенсии не скучал. И всеми положенными прибабаками ее наделили – штатным расписанием, бюджетным финансированием и не самым плохим офисом, тоже в безвозмездное пользование на веки вечные переданным. И называется она краси-

во – государственное учреждение «Межрегиональный центр экономического взаимодействия». Вот уже два года, работая здесь в почетной ипостаси помощника директора, Наташа так и не сумела понять, кто и с кем, а главное, с какой целью экономически взаимодействовал. Хотя все сотрудники вроде при деле были – собирали данные по предприятиям, экономисты какой-то там общий эффект считали, аналитики важно его анализировали, сводили в таблицы, потом всякие выводы делали, которые сами по себе вряд ли кому нужны. В общем, не контора, а буйное цветение профанации и пустой декларации. Профанация страстные гимны поет, а декларация за ней приплясывает. Все довольны и счастливы, и святое зарплатное пятое и два дцатое число каждого месяца соблюдается не укоснительно. Причем довольно-таки приличное пятое и двадцатое. За такое пятое и двадцатое в коммерческой структуре ой как припахать надо, а вместо буйного цветения еще и по шее получишь. В общем, не работа, а подарок судьбы для ее творческих тайных изысков. Времени-то свободного – завались...

– Доброе утро, Иван Андреич! Звали?

Весело постукивая каблучками, Наташа легко прошлась от двери до стола начальника, глядя на себя немного со стороны. Она умела вот так отстраняться, будто ее тень шла за ней чуть поодаль и старательно наблюдала за происходящим. А что – хороша девушка, отчего ж и не отстраниться и не поглядеть? Росту среднего, телосложения до невоз-

возможности хрупкого, лицом не так чтобы сильно красива, но нестандартна и обаятельна. Красивые лица вообще скучны своей правильностью, сейчас даже моделей с правильными чертами лица в бизнес не берут. Надо, чтоб изюминка была, дисгармония прелестного несоответствия. Вот как у нее, например. Носик курносенький, глазки глубоко посажены, но блестят избытком озорного интеллекта (отчего ж саму себя насчет этого «избытка» не похвалить?), и губы чувственные, от природы пухлые, без всякого силиконового вмешательства, и длинная ленивость шеи плавно перетекает в немного напряженную, модельно-мосластую прямоу плеч, потом почти в дистрофические, как у недокормленного подростка, предплечья. Нет, и впрямь хороша! Вон как у Ивана Андреевича старческие глазки умилением потекли. Хотя ему умиление не идет – в гневе он лучше выглядит. Сразу становится – ух какой! Не старичок – орел! Наверное, и сегодня с утра порция гнева ему не помешает.

А что, для эмоционального фона как раз и сойдет, раз день с утра не задался. К утреннему транспортному хамству вполне будет логично начальнического гнева подмешать, сотворить из человеческих эмоций коктейль под названием «вырви глаз». Итак, сегодня у нас по календарю объявляется день хамства и гнева! Сейчас, сейчас... Начальнический гнев – штука тонкая, он ювелирной работы требует...

– Вот что, Наташенька. Подготовьте-ка мне быстренько проект соглашения о сотрудничестве с Союзом строитель-

ной индустрии. Они звонили с утра, и мы договорились о встрече.

– А соглашение делать какое? Большое и пустое, как всегда? На пяти страницах? Ни о чем и обо всем?

– То есть как... пустое? Что вы имеете в виду, Наташенька?

Отвислые щечки Ивана Андреича напряглись и обиженно дернулись вверх, сгоняя с лица выражение старческого умиления. Сердито уставившись на Наташу, он даже носом слегка сопнул, повторив уже более грозно:

– Что значит пустое?!

– Я имею в виду нашу грамотную профанацию, Иван Андреич. Когда красивая бумага есть, а смысла в ней никакого нет. Ну какое такое сотрудничество может состояться между Центром экономического взаимодействия и Союзом строительной индустрии? Мне надо скрыть пустоту велеречивостью – так я понимаю ваше поручение?

– Какой такой вере... веле...

– Вы хотите уточнить, что такое велеречивость? Ну, это та самая сказка про голого короля... Как будто вы ее сами не знаете! Все наши соглашения – это сплошное «объединение усилий для решения общих задач и целей», «участие в проведении взаимосогласованных и общественно значимых инициатив» и «поддержка деловых контактов». Здорово, да? Ни инициатив, ни контактов нет, а участие и поддержка есть.

– То есть как это – нет инициатив? Да вы... Да что вы

понимаете вообще! Вы что, собрались меня работать учить?

– Да бог с вами, Иван Андреич! Мне ли вас учить? Я думаю, в вопросах грамотной профанации вам и равных-то нет.

– Что? Да как вы... Что вы себе позволяете? Кто вам позволил вообще так со мной разговаривать? Да вы... Да я вас уволю отсюда к чертовой матери! Девчонка! Пойдите поищите себе еще такое местечко! Профанация ей не нравится, смотрите-ка! Да на место моего помощника столько желающих найдется...

Иван Андреич неловко подпрыгнул в большом «царском» кресле, схватившись сосисочными пальцами за подлокотники, откинулся на спинку, задышал тяжело, со злобным недоумением уставившись на Наташу. Ну вот чего, скажите, так осердился? Не лучше ли было усмехнуться мудро и по-стариковски – ладно, мол, болтай, молодуха, и без тебя все понимаю... Что ж они все заводятся так, с полуоборота? Давеча тетка из автобуса, теперь начальник. Не люди, а марионетки какие-то. Вроде провокации так себе, от фонаря по вдохновению, а результат – пожалуйста. Закажешь хамство – выдают хамство, закажешь гнев – получите гнев... Очень много гнева! Вон, даже опасной апоплексической краской лицо у Ивана Андреича пошло. Стоп. Перебор, кажется. И перебор опасный. Вертаем-ка ситуацию назад...

– Иван Андреич, не сердитесь. Вы меня просто не так поняли, наверное. Конечно же я сейчас все сделаю. В лучшем

виде.

– А... что же вы мне тогда толкуете о профанации? Зачем? Я разве интересовался вашим мнением? Я вам дал задание – сделать проект соглашения! А рассуждать вам команды не было! Так что будьте любезны!

– Да, Иван Андреич. Извините.

– Рассуждает она тут... Умные какие нынче стали! Молоко на губах не обсохло... Да попробовал бы я в свое время! Да мы и слова простого сказать не могли, любое задание как руководство к действию принимали! А вы, нынешние, хорошего отношения ценить не умеете! Развел я тут с вами демократию...

Иван Андреич глянул на нее совсем уж нехорошо – не с начальницкой обидой, а с человеческой. Возложив пухлую ручку в старческих веснушках на компьютерную мышку, отвернулся лицом к монитору, всем своим видом показывая, что аудиенция закончена. То бишь недосуг ему тратиться на пустые разговоры – дела ждут. Которые там, вроде как в компьютере, насобирались. Наташа усмехнулась про себя – знаем мы твои дела... Всего только и умеешь, что лапку на мышку возложить да вывести на экран какую-нибудь таблицу для декорации. Но вслух произнесла, стараясь придать голосу побольше покаянных ноток:

– Ну что вы, Иван Андреич... Я очень даже ценю ваше хорошее отношение! Я сейчас все сделаю!

Начальник ничего ей не ответил, только чуть плечиком

дернул капризно – уходи, мол, отсюда. Обиделся я.

Наташа встала, тихо побрела к двери, стараясь отобразить походкой большую виноватую удрученность. Ничего, от нее не убудет. Пусть Иван Андреич видит, как она раскаивается. Иначе и впрямь, не дай бог, затаит обиду и на самом деле решит поменять ее на другую помощницу. Надо будет в следующий «приход» ему дифирамбов побольше напеть. Так, на всякий пожарный случай. Старички любят дифирамбы. Они для них ценнее воздуха, воды и еды. А вот относительно своего дурацкого задания – это уж, Иван Андреич, извините, но фиг вам. Здесь вы точно обломаетесь. В смысле срочности, конечно. Подождет ваше никому не нужное соглашение. Сначала она своим делом займется, родненьким, которое тайное-личное-эгоистическое. Которое настоящее. А всякая чепуха из мира смешной псевдореальности – это потом, потом!

Войдя к себе, она первым делом распахнула настежь окно, с удовольствием впустила в комнату летние звуки и запахи вперемешку с летящим тополиным пухом. Какое все-таки чудо этот июньский тополиный пух! Нет, оно понятно, конечно, что для псевдореальности это всего лишь раздражающий природный фактор, но для нее-то – нет! Как на такую белую роскошь можно злиться? Летят по ветру пушистые вихри с тополиных веток, кружатся под шум листьев. Теплый снег в июне, поземка на тротуарах, головокружение свеженького, поспевающего лета, еще не утомленного жар-

ким солнцем. Красота...

Тихо рассмеявшись, Наташа легко отмахнулась от ворвавшегося в комнату вместе с ветром большого пушистого кома, потом поймала его в ладони, протянула руки, отпустила на волю, как птенца. Душа внутри ворохнулась, будто потребовала в радостном нетерпении – ну, давай же! Садись, будем работать! Мы же вчера на самом интересном месте остановились, а ты тут стоишь, вдыхаешь и осязаешь, будто делать тебе больше нечего!

И впрямь – пора садиться. Часа на два улететь, а может, если повезет, и на три. Уйти из псевдореальности в свой мир. В настоящий. Туда, где она своему интеллекту хозяйка, где нет навязанной начальником пустой жвачки казенных фраз, давно уже набивших оскомину. А на лицо лучше хмурость синим чулком натянуть, на тот случай, если кто в дверь неожиданно вломится. Мол, некогда мне, я очень крутым делом занята. Важную бумагу для шефа пишу. Соглашение о сотрудничестве.

Опустившись тихой феей в кресло, она включила компьютер, ласково коснулась пальцами монитора. Привет, дружок. Ты готов? Так, вот он, скрытый от чужих любопытных глаз файл...

Закрыв на секунду глаза, она мысленно постучала «в дверь». То есть никакой двери в прямом смысле слова не было, конечно, и в мыслях эта дверь как дверь ей не представлялась, просто ей казалось, что она стучит именно «туда».

В то самое пространство, откуда выдается страждущему порция необходимого творческого состояния. А без него, без состояния, ничего не получится. Даже плохонькая повестушка и то не получится...

Впрочем, повестушки давно уже остались где-то там, позади. Робкие, корявые, несмелые. После третьей собственной книжицы, вышедшей не в самом последнем столичном издательстве, она по собственному внутреннему волеизъявлению зачислила себя в ряды мало-мальских писательниц, мастериц женских романов. И ничего, что этих писательниц развелось в последнее время великое множество – ей-то до этого какое дело? Ну да, маститые-именитые во главе с кликушами-критиками на чем свет стоит конечно же изгаляются, костерят «бабскую слезливую писанину», их и хлебом не корми, дай только помянуть ее при всяком злобном случае. Ничего, пусть поминают, пусть мнут. Если тесто долго мять, хлеб только вкуснее будет. Сколько ни злобничай, а тиражи-то раскупаются! Пусть и домохозяйками, как эти маститые-именитые в один голос утверждают, но раскупаются же. А что, если женщина домохозяйка, она уже и не человек, что ли? Не читатель? И грамоте не обучена? А женщина, если она менеджер, например, или бухгалтер, уже только по этой причине претендует на чтение высокохудожественной литературы? Глупость какая.

Открыв глаза и, как ей показалось, войдя в «ту самую» творческую дверь (впрочем, она никогда не могла уловить

момент этого перехода), Наташа пробежалась по строчкам, тотчас же увидев живьем свою героиню. Та еще вырисовывалась штучка, героиня эта! Стерва стервой. Анной зовут. Вот сейчас эта стерва беседует с героем по имени Антон. (Хорошо звучит, кстати, Анна – Антон!) И не просто так беседует – разговор у них важный, дальнейший сюжет романа определяющий. Анна героя из семьи уводит. От любящей и преданной жены по имени Любаша. Естественно, и обличем стерва Анна и преданная жена Любаша сильно друг от друга отличаются. Любаша у нее вырисовывается маленькой недалекой блондиночкой, сильно озабоченной домашним уютом и трепетным отношением к мужу и, естественно, все свои женские силы в эти два обстоятельства вкладывающей. До того «довкладывалась», что давно уже на себя рукой махнула. А стерва Анна – у той все наоборот. На контрасте с Любашей она вообще суперженщиной выглядит. Агрессивно ухоженная, яркая брюнетка с фигурой и походкой манекенщицы, с обтянутым узкой юбкой худосочным тренированным задом. И прочие прибабасы роковой красотки при ней. Тут вам, пожалуйста, и хищный взгляд, и густые прямые волосы цвета воронова крыла, и надменные брови вразлет, и нервное трепетание крыльев носа. Хотя здесь конечно же у будущих читательниц может возникнуть законный вопрос: а на фига такой роковой красотке сдался обыкновенный мужичок по имени Антон, да еще и чужой муж в придачу? И даже не может, а обязательно такой вопрос возникнет! И на-

до его обострить, и дать ходу, и развить до степени интриги, потому что в поисках ответа на него и заключается основная фишка романа. Читательницы сами должны догадаться, что такие женщины, как Анна, являются носительницами особой функции, очень нужной, можно даже сказать, подвижнической. То есть провоцируют естественный отбор среди замужних особей, держат их в постоянном тоне. Чтоб они не расслаблялись любовью и преданностью до степени полного растворения в мужчине, а помнили о своей собственной личной и человеческой составляющей. Любовь – это хорошо, конечно, но нельзя же в этот костер последнее исподнее с себя кидать! Любить надо тоже с умом и оглядкой. То есть знать, что в любой момент может прийти санитар леса в лице девушки Анны и все перевернуть с ног на голову. То есть походя сожрать эту любовь, и даже не собственной волчьей сытости ради, а просто так, из любви к подлому искусству. Причем сожрать в кратчайшие сроки. И чем срок короче, тем ей веселее. Любашины отношения, например, Анна в три дня «сожрала», поставив свой личный спортивный рекорд.

Ей самой, как человеку и как писательнице, если честно признаться, придуманная стерва героиня очень даже нравилась. Для тривиального замужества она не подходила: слишком самодостаточна была. А еще – она была слишком умна и слишком красива, чтобы прожить жизнь обыкновенной женщины. И забавы героини относительно «любви к подло-

му искусству» и своеобразных рекордов ей тоже нравились. А что делать – каждый в этой жизни забавляется как может! Кому-то нравится быть мягким и в любви растворенным, а кому-то, наоборот, нравится быть стервой и производить из любовных отношений стремительный синтез, сжигая в ярко горящем костерке то, что другой женщиной, как старательной муравьихой, было годами в одну кучку натаскано. Ту самую «муравьиху» в романе и будут звать Любашей...

Однако есть тут один скользкий момент – палку с Анниной стервозностью тоже перегибать нельзя. Иначе читательницы на нее сразу озлобятся и основной мысли-фишки не уловят. Надо тонко все расписать – где с Анниной стервозностью поднажать покруче, а где Любашины переживания на первый план вывести, да так, чтобы она к концу книжки свои выводы сделала. И с мужем помирилась уже будучи обновленной личностью с той самой собственной человеческой составляющей. Тем более что без сопливого хеппи-энда все равно не обойтись, иначе в издательстве рукопись не возьмут.

Да и с первого взгляда роман получится в лучших традициях борьбы добра со злом. Такие романы тоже на ура идут. Сначала рыхлое и улыбчивое добро обижают, и оно исходит, сочится страданиями, как весенняя подрубленная березка нежным соком, а потом все наоборот поворачивается, и красивое зло получает свою порцию страданий вместе со всеми своими надменностями и нервными трепетаниями

крыльев носа. Ладно, подрисуем стерве Анне и страдания, коли без этого не обойтись. Потом, в самом конце. Хотя в реальности такие женщины не страдают, они просто злятся. И то недолго – до того времени, пока не подвернется на зубок следующая жертва. Такая, как ее книжный Антон. Вот он сидит, весь насквозь влюбленный, смотрит на Анну потерянно. Что ж, продолжим, помолясь, скорбный и страстный диалог героев...

* * *

«... – Но ты пойми, пойми, Анна! Ты хочешь, чтобы я поступил как подлец?

– Ты не подлец. Ты мужчина. Для меня – в первую очередь. А все остальное – ерунда.

– Что – ерунда? Семья – ерунда?

– Хм... А что ты вообще называешь семьей, Антон? Бытовуху проживания на общей территории? Совместное ведение хозяйства? Походы на рынок за картошкой и постным маслом?

– Да при чем здесь картошка? Не хожу я ни за какой картошкой! Я же не об этом тебе толкую!

– А о чем?

– Понимаешь, мы же с Любашей с первого класса вместе... Как-то все само собой получилось, без особых... страстей. Сначала за одной партой сидели, потом в институте

вместе учились, на пятом курсе она ко мне жить переехала... Потом поженились, будто это само собой уже разумелось.

– Вот видишь! Само собой разумелось! А что значит – разумелось? Ты когда-нибудь задумывался над этим? Разве можно относиться к любви как к удобству совместного проживания?

– Нет. Нет, конечно. Но мне всегда казалось, что я ее люблю...

– А сейчас?

– А сейчас я тебя встретил. И сам не понимаю, как это все произошло. За такой короткий срок! Если бы мне сказали несколько дней назад, что я, порядочный семьянин...

– А что, собственно, ты? И при чем тут – короткий срок? Если бы мы с тобой встречались, допустим, год или два, это бы изменило что-то? Ты пойми – на нас такое счастье свалилось, а мы сидим, рассуждаем о каких-то сроках! Вместо того чтобы с благодарностью принимать счастье! Кто их вообще определял, эти сроки?

– Нет. Никто не определял. Просто мне как-то... немного не по себе. Не могу я ее так сразу взять и бросить, как ты этого не понимаешь? Это непорядочно, в конце концов!

– А через год будет порядочно? Или через два?

– Ну... Через год она и сама, наверное, обо всем догадается...

– И ты считаешь, так будет честнее? Намного порядочнее?

– Да! Порядочнее! Ты же знаешь мою Любашу!

– Знаю. Пришлось узнать.

– В каком смысле – пришлось?

– Да в таком! Ты что думаешь, я случайно тогда с ней познакомилась? Сама подошла, сама заговорила...

– А разве...

– Вот именно – разве. Я должна была появиться в вашем доме, и я появилась! Это судьба, мой дорогой, судьба! И плюс немного моего старания. А Любаша твоя... Извини, конечно, не хочу быть пошлой, но... Вот скажи мне: ты помнишь тот день, когда ты ей предложение сделал? Какая она была в тот день, помнишь?

– Нет... Нет, не помню. Наверное, это произошло между моими командировками. У меня, знаешь, карьера как-то сразу и резко в гору пошла, я все ездил, ездил... А Любаша... Просто она была всегда рядом, всегда ждала...

– И чемодан в очередную командировку собирала?

– Да. Если хочешь, и чемодан собирала. Она меня во всех отношениях устраивала. Все эти годы. У нас единство уже неразрывное, с годами сросшееся, корнями переплетенное. И дети. Главное – дети. Понимаешь, мы с ней давно уже общее дерево...

– Что ж, прекрасно. Поздравляю тебя. Дерево, значит. Только что ты в таком случае здесь, в моем доме, делаешь? А? Дерево ты мое ненаглядное?

– Я не знаю, Анна. И сам не могу понять. Я... Я когда начинаю о тебе думать, я собой не владею. Не знаю, не по-

нимаю ничего! Бегу к тебе, как сумасшедший. Кругом люди, движение какое-то происходит, и я чего-то говорю, и так же двигаюсь, а в голове одна только мысль: быстрее бы тебя увидеть! Я не знаю, что с этим делать, Анна!

— Зато я знаю! Я — твоя настоящая женщина. Я! Ты понял? А никакая не Любаша! И ты мне нужен весь полностью, целиком и сейчас, а не частями и через год! Так не бывает даже у деревьев, чтобы корни в одном месте росли, а цветение одного из них на потом откладывалось! Ведь не бывает же?

— Нет. Не бывает.

— Значит, нам надо жить вместе!

— Да... Но... Давай все-таки подождем... Я не представляю себе, как ей скажу!

— Нет. Не хочу я ждать! Я что, до пенсии тебя буду ждать? Скажи, я похожа на женщину, которая сидит у окна и тоскливо ждет своего мужчину? Я любить хочу, а не тосковать! И ты хочешь того же самого, я знаю!

— Да. Я хочу. Но я не смогу... Понимаешь, если я ей заявлю, что ухожу, это будет равносильно убийству. И даже не в переносном смысле, а в самом что ни на есть прямом. Она не переживет...

— Ну, тогда выбирай. Или она, или я. Выбирай между собственным счастьем и мифическим долгом перед Любашей. А если выберешь долг, то всегда помни, что твою мужскую порядочность пользуют, как удобный бытовой предмет. Как подушку, которую можно подложить под свою раскормлен-

ную задницу. Просто так, для удобства! Так что выбирай!

– Ну зачем же так грубо, Анна...

– Зато правильно!

– А дети? Как я все это объясню детям?

– Да они у тебя почти взрослые! И достаточно продвинутые, чтобы понять отца. И вообще, хватит уже об этом говорить... Все, промежуточного состояния больше не будет. Ты должен решить. Прямо сейчас.

– Но, Анна...

– Все. Хватит. Выбирай. Прямо сейчас выбирай! Если это Любаша, то ты уходишь немедленно. И больше не возвращаешься. И я даже до трех считать не буду! Ну? Уходишь?

– Нет... Нет!

– Тогда... Это я? Ну же! Говори! Я? Да или нет?

– Да... Да, черт бы тебя побрал! Да!

– И ты сегодня же сообщишь ей об этом!

– Да... Я... Я сегодня же соберу свои вещи...

– Какие вещи? То есть ты хочешь поехать домой собирать вещи? А вот это уж черта с два!

– Но почему?

– А зачем лишний раз причинять ей боль? Ты же сам не хочешь, чтобы ей было плохо! Ну, представь такую картину: ты собираешь вещи, а она сидит, смотрит и плачет... Ты этого хочешь?

– Нет. Не хочу. Вернее, я не смогу этого выдержать. Но... что же делать?

– О господи... Да ничего не делать! Ты сейчас наберешь ее номер телефона и скажешь всего три слова – «Любаша, я ушел». Нет, четыре! Ты скажешь четыре слова! «Любаша, я ушел навсегда!»

– И все?

– И все! Нет, еще не все! Потом ты выбросишь телефон и купишь себе новый. И номер у него будет новый. И все у тебя в жизни будет новое. Каждый человек имеет право хотя бы раз в жизни поменять все, абсолютно все! Сбросить с себя старую надоевшую шкуру!

– Анечка, она не шкура... В смысле, Любаша – не шкура. Не надо так. Это бесчеловечно.

– А как – человечно? Растянуть во времени ее страдание – это более человечно, что ли?

– Но я не могу, не могу!

– Хорошо. Не можешь – уходи.

– Нет...

– Тогда звони! Всего четыре слова в трубку! И все! Ну?»

* * *

Остановившись, Наташа быстро пробежала глазами написанный диалог, слегка поморщилась. Пошловато слегка получилось. Может, вставить сюда какую-нибудь фишечку интеллектуальную? Ну, например... Пусть герой вернет в описание своих растерзанных чувств бунинский «Солнечный

удар». Хотя... В последнее время по бедному «Солнечно-му удару» только ленивый не прошелся. В каждом сценарии телемыльной оперы герои про этот «удар» поминают, чтоб адольтеру красоты придать. Нет, тут надо что-то другое придумывать...

Еще раз перечитав диалог, Наташа мысленно махнула рукой – да пусть так остается! Без фишек. Простенько и пошленько. Многим читательницам такие вот страсти-мордасти как раз и по вкусу. Хотя про «Солнечный удар» не помещало бы... Бунин все-таки. Элемент приобщения к высокой литературе. Большое притягательное значение, между прочим, для потребителя имеет! Хоть где, хоть в какой творческой ипостаси. Если бы, например, два рыжих провинциальных паренька-близнеца не срифмовали однажды в своей незамысловатой песенке мокрую курицу и Кустурицу, народ бы к ним особо не потянулся. А так – приобщение к высокому состоялось. Это вам не какая-нибудь «Ксюша, юбочка из плюша». Это вам Кустурица все-таки. Подпеваешь за ними: курица-Кустурица, курица-Кустурица, – и вроде тоже грамотным и продвинутым себя воображаешь...

Ладно, лучше все-таки без фишек обойтись. Чего лишний раз выпендриваться? Как есть, так есть. Тем более издательская серия, в которой ее книжки выходят, совсем простенькая. И название у нее простенькое – «Мальвина». Все должно быть с первой строки понятно, занятно, а еще кудряво и голубоглазо. Яркие тощие книжицы-покеты, формат

для чтения в общественном транспорте. И ничего обидного, кстати, тут нет! Она не в претензии. Тренировать свои проклюнувшиеся творческие потребности можно и на этих книжках, а там видно будет. В конце концов, вся жизнь впереди.

Итак, надо закругляться с диалогом «стервы» Анны и «хлебного мякиша» Антона, переходить к страданиям Любаши. Где ее, например, этот телефонный роковой звонок от горячо любимого мужа может застать? М-м-м... Ну конечно, в общественном транспорте! Вот тут ей сегодняшние хамские перлы и пригодятся! Все до единого! Нет, точно провидение благоволит к ее творческим изыскам, все в одну корзину складывает...

Тихо засмеявшись навстречу этой приятной мысли, Наташа чуть развернулась к окну, ухватила глазами плывущий по ветру белый пушистый вихрь. Нет, ну красиво же! Странно только – отчего она эту красоту одна только и видит? Действительно, совсем одна, будто стоит по другую сторону баррикады... Никто и не спорит, есть, конечно, всяческие неудобства от этого пуха: и в глаза лезет, и к одежде пристает, и пылесосить дома лишний раз опять же надо, но разве сравнимы эти неудобства с удовольствием созерцания? И кстати, никаких дурных аллергических реакций от тополиного пуха нет, она специально у врачей узнавала. Просто люди привыкли быть всем на свете недовольными – осенью дождем, зимой снегом, весной сосульками. Кругом одни

неудобства! Природа старается, подарки им дарит, а они все недовольны... Оттого и тополя срубают по-изуверски, будто мстят им за июньский снег, оставляют вместо деревьев одни жалкие огрызки, на которые смотреть больно. Лучше бы постояли минуту спокойно да послушали хоть раз, как медленно и величественно шумит в этих высоких кронах ветер! Хоть минуту! Но об этом и мечтать не стоит – не будут слушать. Будут суетиться внизу, старательно истреблять возникшие вокруг себя физические неудобства. Чего с них возьмешь – люди...

Нет, вовсе не относилась она себя к надменным снобкам, просто само собой так получилось, будто отделилась она от них, от людей, раздвоилась, отпочковалась поначалу неосознанно, а потом и самой это состояние понравилось. А может, это они от нее отделились? Может, потому она и книжки писать начала, очутившись в одиночестве? Присматривалась издали к людской суете, как художник к летящей натуре, и переносила жизнь на чистый белый лист, как на холст. Сначала только для себя зарисовки делала, потом первая повестушка образовалась. Послала в издательство, и – о, чудо! – приняли... Она даже помнит, в какой день это было – аккуратно когда соседи на даче березы спилили. Так и получилось, что тот день перемешался горем и радостью. И радость огромная, что из издательства позвонили, и берез до смерти жалко. Они ей с малолетства вроде подруг числились – огромные, старые уже, но белые и крепкие, и ветки по зем-

ле стелились, и можно было сесть под эти ветки и смотреть, смотреть сквозь них на солнце, растворяясь в игре света и тени, и ощущать себя, как... А как? Да, пожалуй, никак... Никак она себя не ощущала в том малолетстве, проведенном в обществе няньки Таечки на деревенской даче по причине частых простуд и потребности в свежем воздухе. Просто уверена была, что это и есть жизнь. Абсолютно нормальная жизнь, где нет, слава богу, шумной беготни, гогочущего ребячьего ора, строгорежимного распорядка дня и длинных рядов детсадовских неказистых кроваток, а есть тишайшие поле и лес, и солнечная опушка, и земляничная поляна, и эти две огромные березы тоже есть, и промельки света и тени под их ветками, меж небом и солнцем, – причудливый калейдоскоп, шелест и трепет, и снова трепет и шелест... Можно сидеть час, два, три, пока не ворвется в этот приятный гипноз тревожный Таечкин голосок, зовущий к обеду. Можно и целый день просидеть. Запросто. И промолчать. Хорошо. Это уж потом бабушка, напуганная ее отрешенно-счастливым видом, заподозрила у внучки зачатки детского аутизма. Нет, по врачам она ее не повела, и спасибо ей за это, конечно, огромное. Просто начала объяснять остороженько, старательно подбирая нужные слова, что всю жизнь прожить вот так, одной и в молчании, хоть и в игре света и тени, все равно нельзя, надо обязательно к детям идти. К будущим людям то есть. Общаться, дружить, соучаствовать, кипеть возмущением, проявлять искреннее взаимопонимание и оказы-

вать товарищескую поддержку, впадать в здоровые амбиции, делать карьеру, выдавать разнообразные эмоции в нужное время и по нужному поводу и так далее и тому подобное по списку нормальных человеческих дел. А игрой светотени да творческими полетами можно просто душу изредка подкармливать, раз она таких витаминов требует. Для всякой отдельной, мол, души своя пища требуется. Кому-то достаточно простых бытовых пищадаостей, вроде покупки стиральной машины в кредит, другому в этом смысле деликатесы нужны, дома-дворцы с иномарками, чтоб все завидовали, а третьим подавай какой-нибудь вегетарианский изыск вроде пристрастия к особенной, не для всякого слуха музыке. Некоторые душу свою дворянскими титулами кормят, благо можно их нынче относительно дешево приобрести. А есть и такие, которые только властью душу насыщают, как хлебом насущным. Хотя хлеб насущный – это не совсем подходящее в данном случае сравнение. Власть, наверное, имеет особый вкус. Что-то вроде черной икры или устриц. Впрочем, не важно, какой у чего вкус – лишь бы душа им насытилась. У нее вот, например, она вполне наедается созерцанием да этой вот писаниной. Тайной-личной-эгоистической. Да, именно тайной! Никто, кроме Саши и бабушки, не знает, что под псевдонимом Алина Никольская-Петерс в популярной серии «Мальвина» у нее, у скромняшки Наташки Петровой, вышло уже три книжки, и четвертая вот-вот на подходе. Даже мама не знает. А с Саши и бабушки она слово

взяла, что они будут молчать...

– ... Петрова! Ты чё тут, померла, что ли?

Наташа вздрогнула, повернулась от окна навстречу резко-му голосу Тани Яновской, своей образовавшейся по долгу службы местной приятельницы родом из бухгалтерии. Потом спохватилась, моргнула испуганно, суетливо начала возить мышкой по столу, торопясь убрать из Таниного поля зрения преступный файл.

– Э, ты чего так струхнула, Петрова? Порнуху, что ль, по Интернету гоняешь? – хохотнула Таня, мельком взглядывая на себя в зеркало. – Кончай это грязное дело, пойдем лучше перекурим. И Ленка Захарчук тоже сейчас притащится, я к ней по пути заглянула. У тебя, Петрова, сигареты есть? Стрельнешь?

– Стрельну.

– А у тебя какие?

– У меня «Парламент», легкие...

– Ой, запахло-о-о-о!

Последнюю фразу Таня пропела с изысканным, особенным вкусом, изо всех сил стараясь придать голосу хрипотцы с примесью артистически-хамской задушевности. И глаза прикрыла, и голову чуть назад откинула. Красиво, наверное, по ее, по Таниному, представлению, получалось. Черт его знает, откуда она взяла, будто бы этот нарочитый цинизм ей идет. Видимо, решила, что заемный из чужой хамской жизни сленг очень тонко оттеняет присутствие ее мало-мальского

интеллекта. Зря она так решила...

– Почему – запаadlo? – слегка раздражаясь, с трудом повторила за Таней противное словечко Наташа. – Ты что, другие куришь? «Беломорканал» или «Герцеговину Флор»?

– Да не... Просто мне запаadlo на твою кислую харю смотреть! Можно подумать, я тебя от важной бумаги оторвала. Хватит из себя деловую корчить, Петрова! Тебе не идет!

– А тебе не идет использование хамских словечек. Дурой выглядишь, Танька! Ты маленькая, хорошенькая, пухленькая и в очках, и губки у тебя бантиком. Ты по меньшей мере на курочку Рябу тянешь, а никак не на кладбищенскую ворону. Придумала бы что-нибудь другое, что ли, если внимание к себе привлечь хочешь. Ладно, не обижайся... Пошли курить...

– Ага, щас... Все брошу и начну на всяких лохушек обижаться! – все-таки обиженно произнесла Таня, осторожно скосив из-под очков глаза в Наташину сторону. – И вообще, не твое дело. Как хочу, так и разговариваю!

– Девочки, ну вы где?! Я вас в курилке жду, жду... – нервно заглянула в дверь снежно-белокурая Лена Захарчук, и Наташа в который уже раз подивилась этой до абсурда доведенной белокурости. И впрямь, ничто не делает женщину столь красивой, как перекись водорода. Хорошая мысль, кстати. Надо потом вставить куда-нибудь...

– Идем, Ленка, идем! Это Петрова тут меня воспитывать принялась, вот и задержались! Не нервничай!

– Да как, как не нервничать, Тань? У меня сегодня самый пик трех компонентов случился, поэтому я нервничаю – просто ужас как!

– В каком смысле? – переглянувшись, хором переспросили Наташа и Таня, идя вслед за Леной по коридору.

– В каком, в каком! В обыкновенном, в бабском! Критические дни у меня, поняли?

– А... Ну, так бы и сказала...

– Так я и говорю – пик трех компонентов. Психоз, толстозадость и бледнорожесть. Я всегда в эти дни психую, толстею и страшно дурнею. И оттого еще больше психую.

– Да ладно... Тебе ли про толстозадость говорить! – с завистью окинула взглядом стройную Ленину фигурку Таня. – Правда, Наташ?

– Что? – рассеянно повернулась к ней Наташа, временно выпавшая из разговора. Уж слишком выраженьице Ленкино про три компонента ей понравилось. Пошловатое, конечно, но использовать можно. Надо бы запомнить на всякий случай...

В курилке народу не было, но надымлено было так, что захотелось срочно помахать перед лицом ладонями, отгоняя от себя зловредный смог. Вообще, если по большому счету, Наташа никогда заядлой курильщицей не была, просто «дружить» за общим хулиганским делом было попроще. Объединяло как-то. И опять же приток нужной информации не иссякал, сам по себе порой выплескивался.

– Ой, Наташка, я же тебе книжку принесла! Потом напомни, я занесу... – торопливо проговорила Лена, выпустив изо рта клуб дыма.

– Какую еще книжку? – будто нехотя, будто забыв, будто даже проявив недовольство и равнодушие, переспросила Наташа, фиксируя взглядом тлеющий кончик сигареты. Прекрасно она знала, о какой книжке идет речь...

– Ну, помнишь, ты мне неделю назад почитать давала? Книжка этой... как ее... У нее еще фамилия двойная...

– Алина Никольская-Петерс? – снисходительно напомнила Наташа, по-прежнему разглядывая кончик своей сигареты.

– Ага! Точно!

– Ну... и как тебе? Понравилось?

– Да класс вообще! Знаешь, будто все-все про меня написано! Я читала, читала, ну просто оторваться не могла...

«Еще бы... – довольно усмехнулась про себя Наташа. – Именно про тебя и написано, именно твой жизненный сюжет и лег в основу... Хотя и хлипкий сюжетец там получился, ничего особенного. Героиню муж с дитём бросил, мама пилит, папа алкоголик, квартирка маленькая. Но обязательное «... и вдруг» по сюжету случается. Конечно же! А как же без этого обойтись! И случается в лице чумазого, но благородного и непьющего слесаря-сантехника с чистыми намерениями и жарким сердцем. Правда, в натуральной жизни в Ленку влюбился не сантехник, а тупой охранник из супермарке-

та, но какая, в сущности, разница... Тут, главное, с героем надо угадать в точку, и не в пространстве, а во времени. Намекнуть на имеющийся потенциал личности. Вроде того – сейчас он сантехник, а завтра непременно олигархом станет, потому как по природе есть сильный, умный и благородный. Просто его раньше никто не любил по-настоящему. Ленка же тоже свято верит, что ее тупой Вовчик и в институт при ее поддержке поступит, и мозги разовьет, и дело свое откроет...»

– ... Даже про моих родаков там написано – вообще один в один! Я читала и думала – надо же... Видимо, все они одним лыком шиты, родаки эти... Только и знают, что пилить, пилить...

– Наташк, а мне дашь почитать? – с воодушевлением попросила Танька. – Я тоже хочу...

– Да бери, жалко, что ли? – равнодушно пожала плечами Наташа. – Если хочешь, еще одну принесу... Она новая, по моему...

– Ага, давай!

– И мне! И мне тоже! – торопливо закивала головой Ленка, взяв докуренной до самого фильтра сигаретой по стеклянному боку необъятной пепельницы, бог знает когда и кем сюда принесенной.

– Значит, вам нравится, как эта Никольская-Петерс пишет? – еще раз переспросила Наташа, ловя себя на мысли, что неосознанно таким образом продлевает трепет тайного

удовольствия.

– Да говорю же – класс! Сама ж, наверное, тоже читала! Тебе-то самой нравится?

– Ну да... И мне нравится...

– Слушай, а кто она, эта Алина Никольская-Петерс? Я про такую писательницу раньше и не слышала, – задумчиво подошла к пепельнице со своим окурком Таня, – фамилия у нее такая интересная... Она прибалтка, да? Откуда-нибудь из Эстонии?

– Хм... Почему это – прибалтка? – с сомнением поглядела на приятельницу Лена.

– Ну... Если Петерс...

– А что тогда делать с Никольской? Если так рассуждать, то она скорее еврейка или полячка! А имя вообще азиатское – Алина! Наташк, ты не знаешь, откуда она взялась?

– Я? Я нет... Я не знаю...

Придя к себе в кабинет, она включила чайник, насыпала в большую кружку щедрую порцию растворимого кофе и под аккомпанемент закипающей в недрах чайника воды сама не заметила, как ушла, провалилась полностью в тот давний разговор...

– ... Нет, все-таки я до конца так и не понял, Натусь... Зачем тебе псевдоним? Да еще и такой вычурный – Алина Никольская-Петерс! Откуда ты вообще это имя выкопала?

– Да не знаю... Просто придумалось, и все. А что – кра-

сиво звучит! И запоминается быстро.

Саша посмотрел на нее тогда очень внимательно, хмыкнул, отхлебнул большой глоток шампанского из бокала. Они в тот вечер отмечали что-то очень интимное – то ли дату первого поцелуя, то ли другую сентиментальную чепуху. Саша вообще был любитель таких маленьких семейных праздников. Помолчал немного, потом снова тихо и занудно переспросил:

– А правда, зачем тебе псевдоним? Чем тебя твоя фамилия не устраивает? Наталья Петрова – совсем даже неплохо звучит!

– Ага... Иванова, Петрова, Сидорова... Нет уж, пусть будет Никольская-Петерс. Мне так лучше, понимаешь? Никто в жизни не догадается, что это я!

– А... Зачем тебе, чтоб не догадались? Для чего эта таинственность?

– Ой, Саш... Ну чего ты ко мне привязался? Лучше бы порадовался за меня! В конце концов, у меня первая книжка вышла! Это же... Это же такое счастье, что я даже объяснить не могу! Я ее сегодня весь день оглаживаю, обнюхиваю, как живую... А ты сидишь, занудствуешь! Давай лучше за мою первую книжку выпьем! Или ты не рад?

– Да я рад, конечно же рад... И поздравляю тебя от души. Просто... мне понять тебя хочется. Зачем тебе скрываться? От кого?

– Да ни от кого я не скрываюсь. Просто... так мне удоб-

нее, понимаешь? Чтоб никто не знал. Ну, если тебе хочется, назови это скромностью! Скромность тебя устраивает?

– Да нет... На скромность это как раз мало похоже. Тут что-то другое, Натусь. Тут больше гордыней попахивает...

– Да ну тебя – попахивает ему! Попахивает – не нюхай. Никто тебя и не просит!

Наташа сердито поднялась из-за стола, подошла к мойке и, бурча себе под нос что-то вроде «весь праздник испортил», принялась яростно намывать тарелки со следами устроенного Сашей праздничного семейного ужина. Потом, резко развернувшись от мойки, бросила мужу в лицо:

– Ну в чем, в чем ты здесь гордыню углядел? Ну вот сформулируй – в чем?

– Сформулировать? Ну хорошо, я попробую... Только ты не злись, ладно?

– Да не злюсь я. Ну, так и в чем тебе привиделась моя гордыня?

– Да я скажу, скажу... Дай подумать...

Насупившись, он поднял бокал перед глазами, задумчиво начал рассматривать бегущие вверх пузырьки, потом вздохнул, осушил его одним махом. И решительно проговорил:

– В стремлении повкуснее ощутить свою исключительность, вот в чем! Сплошная Достоевщина – ты не тварь дрожащая, ты особое право имеешь. То есть сама про себя такое знаешь, о чем никто и не догадывается! Но ты, ты-то знаешь! И тебе это в кайф! Кайф – оттого что имеешь право подни-

маться вверх и тайно смотреть на людей со стороны, и тайно подглядывать, и списывать, и проецировать их потом на чистый лист бумаги, распоряжаясь живыми характерами, как своими собственными...

– Да ни с кого я ничего не списала!

– Не ври. Ты мне сама говорила, что в основу сюжета твоей книжки история той девушки положена, которая вместе с тобой работает. И потом, про Катьку, мою сестрицу, ты тоже что-то такое писала... Ты бы хоть у нее разрешения спросила, она ж тебе родственница все-таки!

– Да она и не догадается, ума не хватит... – тихо произнесла Наташа и тут же прикусила язык, осторожно глянув на Сашу.

Конечно, в чем-то он был прав. Может, действительно тайное удовольствие слаще, чем явное. Кто бы спорил? Хотя у всякого свой вкус: кому соленое подавай, кому сладкое... Неужели было бы лучше, если бы она принялась хвастаться своей первой книжкой направо и налево? А так... Все вышло действительно... вкусно, сладко и немного щекотно. Получив первые законные десять экземпляров из тиража, ходила и раздавала всем так, будто бы между прочим – почитать хотите? Говорят, хорошая вещьца... Я читала, мне понравилось... И Катьке почитать тоже дала, Сашиной сестре. Потом слушала ее изумленные восторженные отзывы, распиралась изнутри гордостью и, черт возьми, действительно сладкое удовольствие испытывала. Как Саша говорит, кайф. Неуже-

ли... Неужели оттого, что над Катькой тогда вверх взяла? Оттого, что сладкое тайное знание поднялось над глупым Каткиным недоумением? Ой, да ну... Да тьфу на вас на всех! Не хватало ей еще в глупейшем самоанализе погрязнуть! Обойдется Катька, дура инфантильная. И без того от нее одни неприятности, еще и разрешение у нее спрашивать...

– Ну да... Конечно, Катька никогда не догадается. Ей такое и в голову не придет, – соглашаясь, тихо проговорил Саша. И, подумав, добавил, вскинув на нее насмешливые ярко-голубые глаза: – Ворованное, оно ведь всегда вкуснее, правда, Натка?

Она ничего ему не ответила. Только посмотрела в глаза долгим обиженным взглядом, изо всех сил стараясь погасить идущую навстречу Сашину насмешливость. И на языке уже вертелось готовое обвинение – завидуешь... Ты просто мне тупо завидуешь, дорогой муж, и сам того не понимаешь! Вот и придираешься к ерунде. Псевдоним ему не понравился, видите ли!

Будто почуяв ее раздражение, Саша помрачнел, двинул желваками, опустил глаза в пустой бокал. А она все смотрела, концентрируя невысказанное вслух в обиженном молчании. Что она идиотка, вслух свои обвинения произносить? Она не идиотка, она умная. Можно даже сказать – мудрая. Он же не виноват, что его Господь талантами обделил! Поэтому ей надо беречь достоинство любимого мужчины. Тем более такого любимого мужчину нынче днем с огнем не

сыскать. Подтянутый, красавец, обаяшка, чистюля, всегда свеж, как антоновское яблоко, и улыбчив, как вышколенный американский клерк. А впрочем, он клерк и есть, только нашего, русского, свежекапиталистического разлива – начальник аналитического отдела банка «Богатая казна». Мистер безупречность. А это уже немало для любого мужчины, пусть и бесталанного. У бесталанности, между прочим, свое собственное достоинство имеется, выраженное в презрении ко всему неупорядоченному и легкомысленно-творческому. Даже на Сашинем красивом и высоком лбу это большими буквами написано: я, мол, ничего такого творческого не умею, да мне и не надо...

– Чего молчишь? Обиделась? – тихо переспросил Саша, поднимая на нее настороженные глаза.

– Нет, Саш. Нисколько. Просто мы с тобой... разные. Нет, не до такой степени, чтоб уж совсем друг от друга отталкиваться, нет! Просто жизнь воспринимаем по-разному. Я – немного играючи, а ты – как таблетку плацебо, все на веру, все обращаешь в правильность. Как в том анекдоте, помнишь, про Стокгольм? Ну... Ворвался в трамвай сумасшедший, приставил дуло автомата к виску водителя и орет в салон: «Всем сидеть, это угон! Трамвай следует в Стокгольм!» А водитель преспокойно в микрофон говорит: «Остановка «Комсомольская», следующая – «Стокгольм».

– Хм... И что?

– Да ничего. Ты просто похож на этого водителя. Если

надо, ты действительно поверишь, что следующая – Стокгольм. Потому что тебе так удобно жить. А я так не могу. Мне неинтересно. Мне надо присочинить, приврать, придумать, а иногда и подворовать, как ты говоришь... Мне надо свой собственный Стокгольм навертеть, понимаешь? Хотя я тоже знаю, что следующая остановка трамвая называется «Студенческая»... И не придирайся ко мне, пожалуйста!

– О, боже мой! Да с чего ты взяла, что я к тебе придираюсь?

– Придираешься! Взял и праздник испортил!

Видимо, последние фразы были произнесены совсем уж на опасно повышенных тонах, потому как в дверях кухни тут же нарисовалось сердитое Тонечкино личико со сведенными к переносью бровками.

– Вы чего? Вы ругаетесь, что ли? Я же дома! Вам, что ли, бабушка не объясняла, что при ребенке нельзя ссориться?

– Да мы и не ссоримся, доченька... Что ты! Мы просто с папой так разговариваем. Правда, папа? – быстро придав ласковой сладости лицу, повернулась к мужу Наташа.

– Конечно! – с готовностью подтвердил Саша, протягивая в сторону Тонечки руки. – Иди ко мне, морковка! С чего ты взяла, что мы ссоримся? У нас абсолютно, просто до безобразия все хорошо...

Однако к дурацкому этому разговору они все же вернулись. И начал его опять-таки Саша. Лежа на своей половине широкого супружеского ложа и наблюдая за ее косметиче-

ским вечерним копошением возле большого зеркала, вдруг произнес:

– Ты извини меня, зайка, ладно? За тот разговор на кухне.

– Ой, да ладно... – не отрываясь от процедуры снятия макияжа с лица, равнодушно произнесла Наташа, – я и не помню уже!

– Да нет, ты пойми, я же за тебя волнуюсь! Я не хочу, чтоб ты это... ну... презрением к обыкновенности заболела...

– Чем? Чем заболела? – с интересом повернула она к нему влажно блестящее лицо.

– Презрением... Понимаешь, это очень опасная сама по себе штука – презрение! Оно как реальное чувство почти неощутимо, и даже сладко щекочет поначалу, и не распознаешь его, а потом... Потом человек в один прекрасный момент вдруг объедается своей якобы необыкновенностью и сам не замечает, как наступает разрушение личности и все такое прочее...

– Господи, Саш, уймись! Никого я не презираю!

– Нет, погоди. Погоди! Я знаю, что говорю, насмотрелся в банке на наших крутых клиентов. Понимаешь, тут есть, есть фишка одна коварная, дьявольски коварная! Когда человек начинает выделяться из общей массы, и совершенно не важно, чем выделяться, деньгами ли, творческой ли удачей, к нему презрение прилепляется вроде как новый элемент жизни, как новая родинка на заднице, например... Он сам-то ее не видит! Ну, выросла и выросла. И презрение – оно тоже

поначалу неощутимо...

– Саш, ну не надо, а? Ну давай считать, что я – исключение и что именно ко мне ничего такого не прилепилось. Действительно, я не хочу никому про свои творческие дела рассказывать... Что из того? И это вовсе не от презрения, поверь! Просто... мне так удобнее, понимаешь? Я с детства увлекаюсь созерцанием, потому мне удобнее быть немного в стороне от людей...

– И от меня – в стороне?

– Нет... От тебя как раз и нет...

Грациозно скользнув на свою половину кровати, она обхватила руками мужчину крепкую шею, вдохнула знакомый запах, промурлыкала ласковой кошечкой:

– Ну, Са-а-ш... Ну чего мы весь вечер ссоримся, проблемы какие-то идиотские обсуждаем... Что нам, больше заняться нечем? Помнишь, мы договаривались, чтоб в спальне – никаких ссор и занудных разговоров?

– А вот тут ты права, зайка, – тут же с удовольствием подстроился он под ее игривое приглашение, – про спальню ты права, сто раз права, и упрек твой мною рассмотрен и безоговорочно принят...

– ... Петрова, ты чего? Ты не заболела, случаем?

– А?!

Наташа вздрогнула всем телом, кубарем скатившись в реальность и уставившись удивленно на стоящую в дверях

Таньку.

– Я тебя зову, зову, а ты не слышишь!

– Ну да, не слышу... Прости, я задумалась. А тебе чего, Таньк?

– Как это – чего? Ты же мне книжку обещала дать почитать! Ну, этой... Алины Никольской-Петерс! Моя гримза-начальница все равно в налоговку слиняла, так я и читну на досуге!

Наташа молча рванула на себя ручку ящика стола, достала яркую книжицу, с готовностью протянула Таньке:

– На, читай!

– А ты сама-то читала?

– Читала.

– Понравилось?

– Ну... В общем...

Сашино насмешливое лицо тут же проплыло перед глазами, будто насторожилось ожиданием – ну-ну, посмотрим, что ты ответишь...

– Не знаю, Танька. Читай. У тебя свое собственное мнение должно сложиться. И вообще, некогда мне! Шеф срочную бумагу сделать попросил, а я тут сижу, разговоры болтаю...

– То есть ты хочешь сказать, чтобы я убиралась отсюда к чертовой матери, да? А может, я как раз и хочу разговоры с тобой поболтать? За чашечкой кофею? Вон и чайничек у тебя как раз вскипел...

– Не, Танька... Давай в другой раз. Мне и впрямь некогда.

– Ну, как знаешь, гостеприимная ты моя... В другой раз сама позовешь, а я еще подумаю. Поняла?

Полушутя-полуобиженно вскинув голову, Танька гордо двинулась к двери, обмахиваясь, как веером, книжкой Алины Никольской-Петерс. И впрямь, откуда она такую фамилию для псевдонима выкопала, из каких тайников подсознания? Да еще и двойную... Никогда среди ее знакомых ни Петерсов не числилось, ни тем более Никольских...

Пожав плечами и усмехнувшись, Наташа грациозно подкатилась на кресле к столу, открыла заветный файл. Так, что там поделывает далее наша стерва Анна...

Перечитав недавно написанный диалог, она хмыкнула недовольно – фу, фу! Все-таки ерунда получается с этой стервозностью! То есть нет никакой стервозности, и не пахнет даже, а вместо нее проглядывает обыкновенное бабское желание пристроиться к тихому приличному мужику, и ничего более! Нет, не этого она от своей героини хотела... Совсем не этого! Надо что-то другое придумать, более острое, более перченное. Тут фишка какая-то нужна, на первый взгляд безобидная и в то же время до крайней степени циничная. Чтoб из этой фишки стервозность Аннина и вылезла в чистом и неприглядном виде. Вот если бы удалось подсмотреть за настоящей женщиной-стервой...

Задумчиво оттолкнувшись носком туфли от пола, она медленно развернулась, снова стала вглядываться в пуховую поземку за окном, будто ждала – сейчас, сейчас жаркий

июньский ветер принесет, подскажет ей нужные штрихи для образа...

– Наташенька, там Иван Андреевич про соглашение спрашивает!

Боже ты мой, да что ж такое! Они дадут ей сегодня сосредоточиться или нет, в конце концов?! Сколько можно вздрагивать и шарить дрожащей рукой в поисках мышки, чтоб убрать с монитора запретный плод? Могла бы секретарша Алла Валерьяновна и позвонить предварительно, и не тащить к ней в кабинет свою старую задницу!

– Наташ... Ты меня слышишь вообще?

– Да, да, Ал Валерьян, слышу! Сейчас, сейчас именно это соглашение я и заканчиваю! Скажите Иван Андреичу, что через пятнадцать минут все будет готово...

– А чего ты так долго? У тебя в базе таких соглашений – хоть пруд пруди! Имена-реквизиты поменяла, и все дела!

Черт бы их побрал, этих старых и опытных секретарш. Все-то они знают, и на мякине их не проведешь, и на драной козе не объедешь.

– Да-да, я сейчас все сделаю, Алла Валерьянна...

– А вот интересно, чего это ты от меня так поспешно спрятала, Наташенька?

– Где спрятала? Вы о чем? – построила наивное и очень удивленное лицо Наташа, почувствовав, как неприятно ворохнулось в груди и часто забилось сердце.

– Ну, когда я вошла, у тебя на компьютере какой-то

сплошной текст был набран...

Наташа вскинула голову, на ходу пытаясь придумать отвлекающий и по мере возможности остроумный ответ,глянула на Аллу Валерьяновну и... обомлела. То есть не снаружи, конечно, обомлела, – еще чего не хватало! – а от пронзившего ее изнутри озарения: да вот же она, настоящая женщина-стерва, вот она, матушка, в чистом природном виде! Вон как горит, полыхает знойное любопытство в глазах, и каблучок пристукивает по полу нетерпеливой дробью в ожидании информации. Чует, чует тонкий стервозный нос Аллы Валерьяновны, что информацией здесь и впрямь поживиться можно. И не в том дело, что ей эта информация так уж до зарезу нужна, а в том, что она от других законным обладателем тщательно скрывается. Дело как раз в ней – в тщательности. В этом и есть суть женщины-стервы – расколоть, разбить эту проклятую, с ума сводящую чужую тщательность и добыть то, что другому дорого. Просто так, ради спортивного интереса.

Правда, старовата несколько для задуманного образа Алла Валерьяновна, явно старовата! Но на безрыбье, как говорится... Внешнее содержание объекта в данном случае ценности не представляет, здесь внутреннее содержание дороже. Тем более что внешний портретный образ книжной героини давно ею продуман – она должна быть очень, очень яркой брюнеткой с чистым детским личиком и немного надменным, лениво-внимательным выражением зеленых глаз. И

еще – она должна быть высокая и гибкая, как змея. И улыбка у нее должна быть ласковая, но в то же время коварная, змеиная, притягивающая взгляд. У Аллы Валерьяновны тоже, между прочим, часто на устах такая улыбка играет – ни с того ни с сего появляется, будто сама по себе. Наверное, она в этот момент молодость свою стервозную вспоминает, как та старая цирковая лошадь, которая начинает копытом бить, когда ее на арену выводят. Чует запах опилок и волнуется. Вот и Алла Валерьяновна что-то такое сейчас почуяла – ишь, как глазом горит да шпилькой дробушку бьет! Не хуже той цирковой лошади.

– Так что ты там прячешь, Наташенька? От меня, что ли?

– Ничего я не прячу. Чего мне от вас прятать, Ал Валерьянна? Сейчас я быстренько допишу соглашение, отнесу Ивану Андреичу, а потом мы с вами чаю попьем. Посидим, поговорим, новости всякие обсудим, подружим, посплетничаем...

От удивления и без того длинное лицо Аллы Валерьяновны поползло вниз – не часто ее баловали здешние молодые сотрудницы такими предложениями. Никто не желал с ней ни чаи распивать, ни новости обсуждать, ни сплетничать. Потому что какой такой интерес со старухой секретаршей дружить, если честно? Дарить ей свою молодую и резвую энергию? Офисный народ нынче в этих вопросах продвинутый, к наивной благотворительности не способный.

– Ой, ну конечно же, Наташенька... Спасибо... Конечно,

попьем чайку! У меня настоящий есть, китайский, зеленым листочком... И шоколадка большая есть, с орехами!

– Ну, вот и замечательно. Сейчас, я быстро!

Соглашение о «взаимовыгодном сотрудничестве» Наташа состряпала за пять минут. А может, и меньше. Права была Алла Валерьяновна – чего там делать-то? Все уже давно сделано – ждут в компьютере своего часа несколько типовых «рыбок» с набившими оскомину пустыми красивыми фразами. Так, теперь распечатать осталось, тупое радостно-поплушное выражение на лицо натянуть и – вперед, начальнику на подпись.

Иван Андреич, однако, и взглянуть на нее не соизволил. И выражение лица должным образом не оценил. Буркнул, не отрывая взгляда от монитора, что-то вроде «оставьте, я посмотрю» и нервно мотнул буйволиной шеей, демонстрируя начальственное раздражение. Плохо дело. Надо будет попозже напрячь себя и помириться. Как говорится, минуй нас пуще всех печалей...

– И чем ты, Наташенька, так шефа сумела прогневить? – сочувственно спросила Алла Валерьяновна, наливая ей в широкую щегольскую чашку зеленый чай. – Ты как от него утром выскочила, с тех пор он сам не свой...

– Не знаю. Наверное, у него перепады давления. К вечеру дождь обещали. Ничего, завтра пройдет.

– Ой, не знаю, Наташенька... Он же, как ты ушла, сразу кадровика Нину Семеновну к себе позвал, велел срочно

подыскать ему вторую помощницу.

– Да?! А разве у нас по штату еще одна ставка помощника есть? – неприятно удивилась Наташа.

– Есть! Я точно знаю, что есть! Наша Нина Семеновна над штатным расписанием трясется, как курица, держит его в секрете за семью печатями... Но уж я-то знаю, что есть! От меня ничего не скроешь! Я знаю, сколько у нас тут «подснежников» сидит и кто кому родственником приходится...

Алла Валерьяновна слегка захлебнулась на вдохе, зажглась глазами, придвинула поближе густо напудренное лицо, готовясь плеснуть кипятком секретной информации. Наташе вдруг стало не по себе – зря, наверное, она это чаепитие затеяла. Урожай нужных «фишек» она с этой старой гримзы вряд ли соберет. Вот сплетен – это сколько угодно, это пожалуйста. Но сплетни – дело земное, простое, низменное, малопривлекательное. Зачем ей сплетни?

– ... Я тебе даже больше скажу, Наташенька! – перейдя на посвистывающий шепот, доверительно сообщила Алла Валерьяновна. – Нина Семеновна какой-то своей знакомой уже позвонила, и та знакомая еще кому-то звонила... В общем, завтра на это место человек придет. Вторым помощником Ивана Андреича будет. Хорошее место-то, ничего не скажешь... Сиди себе, дурака валяй, а деньги неплохие платят...

– Что, уже завтра? – снова неприятно удивилась Наташа. – Надо же, как быстро...

– Так я и говорю – расстаралась Нина Семеновна для Ивана Андреича! Она ведь ему дальней родственницей приходится, ты знаешь? Нины Семеновны двоюродный брат был женат на золовке его второй жены... Наташенька, что с тобой? Ты меня не слушаешь совсем! Тебе плохо, Наташенька? Ты побледнела вся...

Наташе и впрямь было нехорошо. И не сказать, что это «нехорошо» происходило от только что услышанных новостей – они были вовсе не страшными. Что-то происходило с нею изнутри неприятное: зашевелилась, подступила к горлу холодная тревога, совершенно беспричинная и оттого еще более тошнотворная. Пальцы, ухватившие чашку за витую тонкую ручку, вдруг задрожали, горячий чай выплеснулся на колени, и она подскочила со стула почти радостно – боль от ожога тут же и отогнала ледяное и мимолетное чувство, скользнувшее внутри острым лезвием. Да и повод появился улигнуть от этой дурацкой, спровоцированной ею же самой чайной церемонии.

– Ой! Какая же я неловкая, господи! Вы извините меня, Ал Валерьянна, я пойду... Что-то мне и впрямь нехорошо...

– А может, в обеденный перерыв пойдем погуляем вместе? А, Наташенька? Я тут недалеко шикарную кафешку знаю. Там и поговорим!

– Нет. Спасибо. К сожалению, обеденное время у меня занято. Как-нибудь в другой раз...

Войдя к себе, Наташа плюхнулась в кресло, хмыкнула ве-

село – будет она на всякие пустяки обеденное время тратить! Как же! Разбежалась! В обеденное время можно вообще дверь закрыть и не бояться, что кто-нибудь ворвется и отвлечет от дела. Именно – дела! Настоящего! И пусть за дверью в этот обеденный перерыв суетится отвратительная псевдореальность с ее соглашениями о сотрудничестве, сплетнями, штатным расписанием, и пусть всё это будет чьей-то жизнью... Если занятие творчеством граничит с изгойством – пусть лучше будет изгойство. Добровольное. Она согласна.

Открыв заветный файл и войдя глазами в текст, она попыталась сосредоточиться, но что-то мешало. Какая-то мысль тянулась оттуда, из оставленной за дверью псевдореальности, копошилась внутри маленьким раздражением. Ну что, что такое, в самом деле? Неужели новость о том, что Иван Андреич берет второго помощника, ее так с толку сбила? Да пусть берет, жалко, что ли?

Закрыв глаза и подняв голову вверх, она несколько раз прокрутилась на стуле, отталкиваясь ногами от пола, потом резко остановилась, встряхнула головой. Все, все у нее хорошо! Никакая посторонняя мысль ей не мешает. Итак, продолжим... Что у нас дальше по тексту? А дальше слабохарактерный герой Антон идет бросать верную и преданную жену Любашу. Решил не просто звонком обойтись, а смело с ней поговорить. Вот тут как раз имеет смысл повести параллельный текст – совместить в одном флаконе Аннино торжество и страдания Любаши. Допустим, Анна со смехом рассказы-

вает приятельнице, как она ловко «дернула» Антона из семьи, а в это время Любаша выслушивает покаянный монолог Антона и тихо сходит с ума от вероломности Анны... Тем более, по задумке, эти женщины знакомы и даже немножко дружат – Любаша когда-то привела Анну в семейный дом как свою приятельницу. А вообще, как лучше сделать – чтоб Любаша догадывалась относительно мужниной влюбленности или нет? Или чтоб до конца в доброжелательной наивности пребывала? Все-таки лучше, наверное, наивность выбрать. Так будет жальче и трогательнее. И хеппи-эндовский конец намного слаще покажется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.